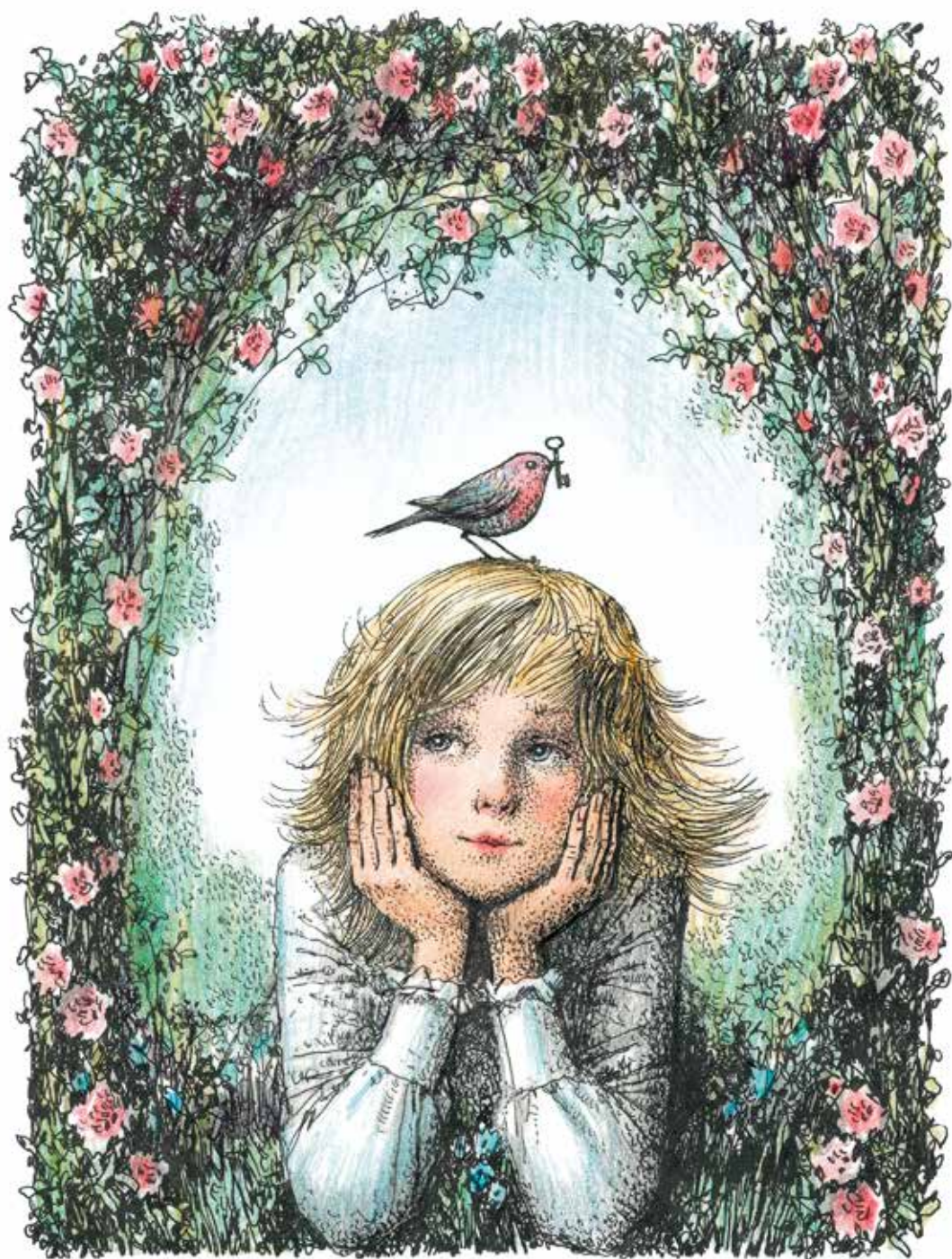

ГЛАВА I «НИКОГО НЕ ОСТАЛОСЬ...»

Когда Мэри Леннокс прислали к дядюшке в усадьбу Мисселтвейт, все нашли, что выглядит она просто ужасно. Так оно и было. Тщедушная, личико с кулачок, волосы редкие, тонкие и взгляд исподлобья. Волосы у неё были жёлтые и лицо тоже жёлтое, ибо родилась она в Индии и всё время чем-то болела. Отец её был служащим в английской администрации и вечно работал и хворал, а мать была красавица и только и думала что о балах и развлечениях. Ребёнок ей был ни к чему. Когда Мэри родилась, она отдала её на попечение айи, которой дали понять, что если она хочет угодить мемсахиб*, то пусть лучше не пускает девочку ей на глаза. Мэри была болезненным, капризным и некрасивым младенцем, и её держали от матери подальше, а потом, когда она начала понемногу ходить, но оставалась такой же болезненной и капризной, её

3

---

* Мемсахиб (англо-индийск.) — госпожа (так слуги называли англичанок).

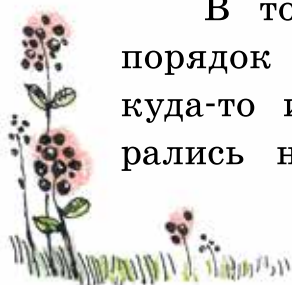
тоже держали подальше. Сколько Мэри себя помнила, её всегда окружали тёмные лица нянюшки и других слуг-туземцев, а так как они всегда ей повиновались и во всём уступали — ведь мемсахиб рассердится, если её потревожит плач ребёнка! — то к шести годам она превратилась в отвратительную эгоистку и маленькую тиранку. Она так не понравилась молодой гувернантке-англичанке, которую наняли, чтобы научить её читать и писать, что через три месяца та отказалась от места, а другие не выдерживали и этого срока. Если бы Мэри самой не захотелось читать книжки, она так бы никогда и не научилась грамоте.

Однажды удручающе жарким утром — Мэри уже исполнилось девять лет — она проснулась в крайне дурном расположении духа и, увидав, что возле кровати стоит не айя, а какая-то незнакомая служанка, ещё пуще рассердилась.

— А ты зачем сюда явилась? — сказала она женщине. — Ты мне не нужна. Пришли мне мою айю.

Женщина испугалась и, запинаясь, пробормотала, что айя прийти не может, а когда Мэри стала кричать, бить её и пинать, та только в ужасе повторяла, что айя прийти к мисс сахиб никак не может.

В то утро всё было как-то странно. Обычный порядок нарушился, некоторые из слуг-индийцев куда-то исчезли, а те, кто оставались в доме, старались не попадаться на глаза или проскользнуть

мимо, и лица у них были серые от страха. Но Мэри ничего не объясняли, и айя не появлялась. Утро Мэри провела в одиночестве; потом побрела в сад и принялась играть под деревом возле веранды — она делала вид, будто разбивает грядку для цветов. Она втыкала в землю большие багровые цветы гибискуса, а сама меж тем всё больше и больше сердилась и бормотала про себя всё, что выскажет Сейди, когда та вернётся.

— Свинья! Свинья! И родители твои свиньи! — бормотала она, ибо назвать туземца свиньёй — самое страшное оскорбление.

Сжав зубы, она снова и снова повторяла эти слова, как вдруг услышала, что на веранду вышла мать с каким-то светловолосым молодым человеком. Они остановились, переговариваясь странными, приглушёнными голосами. Мэри знала этого юношу,

который походил скорее на подростка. Она слышала, что этот юный офицер недавно приехал из Англии. Мэри разглядывала его лицо, но ещё внимательнее — свою мать. Она всегда любовалась ею, если представлялась возможность, ведь мемсахиб — Мэри чаще всего так её называла — была такая высокая, стройная, красивая и так изящно одевалась! Её шелковистые волосы вились, небольшой изящный нос был надменно вздёрнут, а огромные глаза смеялись. Она носила лёгкие, воздушные платья, которые, как говорила Мэри, были «все в кружевах». В это утро кружев, казалось, было больше обычного, но глаза её не смеялись. Большие и испуганные, они с мольбой взирали на светловолосого юного офицера.

6

— Неужто это так серьёзно? — спрашивала она. — Скажите мне правду, прошу вас.

— Это ужасно, — отвечал тот дрогнувшим голосом. — Ужасно, миссис Леннокс. Вам ещё две недели назад следовало уехать в горы.

Мемсахиб ломала руки.

— О, знаю, знаю! — восклицала она. — Я осталась только для того, чтобы поехать на этот дурацкий приём. Какая глупость!

В тот миг со стороны хижин, где жили слуги, раздался такой громкий плач, что миссис Леннокс схватила юношу за руку, а Мэри вся задрожала. Плач становился всё громче и отчаяннее.

— Что это? Что? — спросила миссис Леннокс.

У неё перехватило дыхание.

— Кто-то умер, — отвечал юный офицер. — Вы не сказали, что она уже поразила ваших слуг.

— Ах, я не знала! — вскричала миссис Леннокс. — Пойдёмте! Пойдёмте!

Она повернулась и побежала в дом.

То, что произошло потом, было ужасно. Позже Мэри объяснили все загадки этого утра. Оказалось, что в городе разразилась страшнейшая холера и люди умирали как мухи. Ночью заболела аяя — и громкий плач, который Мэри услышала в саду, означал, что её няня умерла. Не прошло и дня, как умерли ещё трое слуг, а остальные в ужасе разбежались. Всюду царила паника, во всех домах лежали умирающие.

Второй день Мэри, всеми забытая в суете и смятении, провела у себя в детской. Никто её не хватился, никому не было до неё дела, а она и не подозревала о том, что творилось вокруг. Она то плакала, то дремала. И знала только, что все больны, и слышала сквозь двери непонятные и страшные звуки. Один раз она прокралась в столовую: в комнате никого не было, хотя на столе ещё стоял недоеденный обед, стулья и тарелки были в беспорядке, будто их торопливо отодвинули, когда обедавшие вдруг в спешке встали из-за стола. Мэри поела немного фруктов и печенья, а ощутив жажду, осушила стакан вина, стоявший на столе. Вино было сладкое — и крепкое, но она этого не знала. Скоро

её стало клонить ко сну, она вернулась в детскую и опять закрыла глаза, напуганная криками в хижинах и беготнёй в доме. От вина ей так хотелось спать, что глаза у неё просто слипались; она улеглась на постель и надолго забылась.

Многое произошло в те часы, что Мэри спала, однако её не разбудили ни плач и стенания, ни шум, оттого что вносили и выносили что-то тяжёлое.

Проснувшись, Мэри лежала, глядя в стену. В доме царила полнейшая тишина. Такого ещё никогда не бывало. Не слышно было ни голосов, ни шагов, и Мэри подумала: может, холера уже кончилась и всё опять хорошо. Интересно, кто теперь, когда аяя умерла, будет за ней ходить, размышляла она. К ней приставят новую аяю, и, может, она расскажет ей новые сказки — старые Мэри давно надоели. Она не горевала о своей няне. Она вообще ни к кому не была привязана и никого не жалела. Шум, беготня и плач об умерших её напугали, и ещё она сердилась, что о ней забыли, хотя она-то была жива. Всех охватил такой ужас, что никто и не вспомнил о девочке: ведь её никто не любил. Холера, верно, заставила людей забыть обо всём, кроме самих себя. Но, если холера кончилась и все выздоровели, теперь кто-нибудь, конечно, вспомнит про Мэри и придёт за ней.

Однако никто не приходил. Мэри лежала и ждала, а в доме становилось всё тише. Вдруг что-то

прошуршало по циновке — Мэри глянула и увидала маленькую змейку, которая скользила мимо, следя за ней изумрудными глазами. Девочка не испугалась — змейка не причинит ей вреда, она и сама спешит поскорее спрятаться. Змейка вильнула и бесшумно скрылась под дверь.

«Странно, какая кругом тишина, — подумала Мэри. — Будто в доме нет никого, кроме меня и змейки».

В ту же минуту она услышала шаги во дворе, а потом на веранде. Шаги были мужские; тихо переговариваясь, мужчины вошли в дом. Никто их не встретил, никто не окликнул; Мэри услышала, что они открывают двери и заглядывают в комнаты.

— Какая пустота! — сказал кто-то. — И эта женщина, такая красивая! И девочка, верно, тоже. Я слышал, у неё была девочка, хотя её никто и не видел.

Спустя несколько минут дверь детской отворилась. Мэри стояла посреди комнаты, некрасивая и наспушенная. Она сердилась: она была голодна, а ей ничего не несли. Первым в комнату вошёл высокий офицер — когда-то она видела, как он беседовал с её отцом. Он выглядел усталым и озабоченным; увидав её, он так удивился, что чуть не отпрянул в сторону.

— Барни! — закричал он. — Тут ребёнок! Совершенно один! В таком-то гиблом месте! Господи, спаси и помилуй! Кто же это?

— Я Мэри Леннокс, — произнесла девочка, выпрямляясь. Ей не понравилось, что офицер назвал её дом «гиблым местом». — Я заснула, когда разразилась холера, и только сейчас проснулась. Почему ко мне никто не идёт?

— Это та самая девочка, которую никто никогда не видел! — воскликнул офицер, обернувшись к своим товарищам. — Её здесь просто забыли!

— Как это меня забыли?! — закричала Мэри, топнув ногой. — Почему никто не идёт?

Молодой человек по имени Барни грустно взглянул на неё. Мэри даже показалось, что он сморгнул слёзы с глаз.

— Бедняжка! — сказал он. — Потому что никого не осталось в живых.

Так Мэри узнала — это было до того странно и неожиданно, — что у неё нет больше ни отца, ни матери, что в ту ночь они умерли и их унесли и что оставшиеся в живых слуги в ужасе бежали из дому, даже не вспомнив о «маленькой госпоже». Вот почему в доме царила такая тишина. В нём и правда не было никого, кроме неё и маленькой быстрой змейки.

Мэри привыкла смотреть на мать издалека и любоваться её красотой, но она её почти не знала, так что, когда матери не стало, конечно, не могла тосковать по ней. Она и не тосковала — как всегда, она была занята исключительно собой. Будь она постарше, её, несомненно, испугало бы то обстоятельство, что она осталась теперь совсем одна на белом свете, но она была ещё мала, за ней всегда кто-то ухаживал, и она полагала, что так вечно и будет. Беспокоилась она только о том, к хорошим ли людям теперь попадёт, будут ли они к ней так же добры и уступчивы, как её аяя и другие слуги-туземцы.

Она знала, что её не оставят в доме английского священника, куда её устроили поначалу. Да она и не хотела там оставаться. Священник был беден, а в доме у него росло пятеро детей; дурно одетые погодки, они вечно ссорились и отнимали друг у друга игрушки. Мэри невзлюбила их дом, где вечно царил беспорядок, и так всем грубила, что дня